

Литература и искусство

Орган правления Союза советских писателей СССР, Комитета по делам искусств при СНК СССР и Комитета по делам кинематографии при СНК СССР.

Огромный успех Третьего Военного Займа

По призыву Родины

По постановлению Правительства Союза ССР выущен Третий Государственный Военный Займ.

Выпуск нового займа имеет своей целью привлечение дополнительных средств на оборону страны. Эти средства пойдут на усиление мощи Красной Армии, ошающейся священной землей нашей отчизны от немецко-фашистских захватчиков. Они предназначены на дальнейшее развитие нашего народного хозяйства, на восстановление предприятий и учреждений, на возрождение культурной жизни в районах, освобожденных от немецких оккупантов.

И в годы мирного строительства и, особенно, в грозные дни Отечественной войны подписка на государственные займы всегда проходила в нашей стране, как большое общенародное дело. Почти 50 миллиардов для защиты государственного народа в годы индустриализации, заложили фундамент военной мощи СССР. Давшие патристические чувства, в годы Отечественной войны, советские люди внесли государству на займы более 37 миллиардов рублей, с готовностью отдавая свои сбережения на нужды обороны Родины.

Гигантские масштабы современной войны требуют от советского государства мобилизации всех сил, использования всех материальных и финансовых ресурсов страны, постоянного привлечения дополнительных средств.

В победоносном наступлении Красной Армии на фронтах Отечественной войны большую роль сыграли усилия советского тыла, самоотверженный труд наших рабочих, колхозников, интеллигенции, их побужденная готовность своим трудовым рублем помочь укреплению обороноспособности священной отчизны.

Сорбю, единодушно откликнулись трудящиеся Советского Союза и на постановление СНК СССР о выпуске Третьего Государственного Военного Займа.

В час, когда репродукторы радио возвестили о призыве Советского Правительства дать средства взаимного государствену, рабочие и крестьяне, артисты и писатели, композиторы и художники, все советские люди, как один, откликнулись на этот призыв. Каждый из нас с нетерпением ждал того светлого часа, когда раненый гитлеровский зверь будет окончательно добит в его собственной берлоге. И каждый советский человек от всего сердца вносит свою лепту в святое дело полного разгрома врага.

Реализация Третьего Военного Займа займет видное место в государственном бюджете Советского Союза. Это — бюджет войны и в то же время — бюджет дальнейшего хозяйственного и культурного роста нашего государства. Большой ущерб нанесли немецкие вандалы культурным учреждениям и ценным памятникам в районах, оказавшихся под их пятой. Немало средств требуется, чтобы восстановить разрушенное немцами.

Дни подлики на новый заем явились новым ярким свидетельством монолитности советского народа, его единности, преданности Родине. В десятках коллективов артисты, композиторы, художники, технические работники предприятий искусства подписываются на заем в суммах, значительно превышающих их месячный заработок.

Заволнованные, полные любви к отчизне речи на многочисленных митингах, посвященных выпуску займа, советские патриоты скрепяют дружной подлинкой на Третий Государственный Военный Займ — заем нашей грядущей победы.

Плакаты, посвященные выпуску займа

«Дружно подлимаемся на Третий Военный Займ» — называется «Кино ТАСС» работы художников В. Соколова и А. Плотнова. На рисунке изображена группа советских патриот в момент подлики. К этому плакату А. Машистовым написано четверостишие:

Штыком и снарядом, Трудом и рублем Фашистскую нечисть Мы били и бьем.

Госфиниздатом выпущены четыре красочных плаката, выполненных художниками В. Ивановым, А. Корекиным и И. Бродским. Рисунки сопровождаются стихотворными призывами.

Киноэмка подлики на заем

4 мая операторы Центральной студии кинохроники произвели съемку кадров, показывающих подлику трудящихся столицы на Третий Государственный Военный Займ. На пленку заснята подлика на новый заем в Академии наук, Большом театре, на Станкостроительном заводе имени Орджоникидзе, в одном из колхозов Московской области и др.

Заснятый материал войдет в очередной номер Союзкиножурнала.

Патриотический вклад работников искусств

В театрах столицы

Как только радио разнесло весть о выпуске Третьего Государственного Военного Займа, в Большом театре собралась величественная творческая работница — лауреаты Сталинской премии.

Выступают директор театра Ф. Бондаренко, лауреаты Сталинской премии И. Козловский, Ю. Файер, Р. Захаров.

«Советские люди», — сказал И. Козловский, — не пожалели ни сил, ни средств, чтобы ускорить окончательный разгром врага.

«Я горжусь нашей Красной Армией», — заявил Ю. Файер. — Первый патристический приказ товарища Сталина удовлетворяет наших воинов на еще большие подлики. Стремясь помочь фронту, я подписываюсь на 24 тысячи рублей.

«Было на этом собрании длинных речей. Один за другим встают присутствующие и называют сумму подлики. А. Пазовский подликается на 30.000 рублей, Ю. Файер — на 24.000, И. Козловский, А. Мелик-Пашаев, М. Михайлов — по 20.000 руб. По 15.000 подликается Ф. Бондаренко, А. Батурина, В. Барсова, А. Пирогов, Н. Обухова; на 12.000 руб. Р. Захаров, М. Семенова, О. Делепов, Е. Кругликова, Л. Баратов; художники Ф. Федоровский и П. Вильямс — по 10.000 рублей.

С большим подъемом проходит подлика во всех коллективах театра. 2.708 работников Большого театра подликается на 3.302.125 рублей. Подлика продолжается.

4 мая в антракте спектакля «Последние дни (Пушкин)» в МХАТ СССР состоялся митинг работников театра. Митинг открыл секретарь парторганизации М. Прудкин. С речами подлимаются К. Родине, к героини Красной Армии и Верховному Главнокомандующему Маршалу Советского Союза товарищу Сталину выступили артисты В. Торопов, П. Масальский и Е. Калужский.

На митинге в филеале Художественного театра выступил М. Тарханов. 1.128 работников театра подликается на 823.000 рублей. Среди них И. Москвин — на 14.000 руб., В. Каминский и Н. Хмельков — по 10.000 руб., М. Тарханов подликается на 9.000 руб., О. Киншпер-Чехова и А. Тарасова по 6.000 руб.

Успешно проходит подлика в рабочих и обслуживающих цехах. Рабочие машинно-декорационной части подликаются на 156 проц., работники обслуживающих цехов филеала — на 210 проц. месячного заработка.

В Малом театре на митинг, в связи с выпуском нового займа, пришли старейшие работники театра. С патристическими речами выступили В. Пашенная, художественный руководитель театра И. Суаков и другие.

Артистка Н. Синякова подликается на 24-месячный оклад, при этом сумму подлики вносит по 20-процентным частям. Нарядом с ней вносят свой подлимающийся заработок мать двух фронтовиков уборщица Е. Глашанова.

746 работников Малого театра подликается на 562.100 рублей, что составляет 161,5 проц фонда заработной платы.

В Академии архитектуры

Как только отзвучали последние слова постановления, правительства о выпуске займа, в Академии архитектуры СССР состоялся митинг и развернулось подлима.

Президент Академии архитектуры А. Мордовнов подликается на 6.000 руб., В. Кузнецов, Б. Рубаненко, Н. Симоненко и В. Швариков дали взаимного государствену по 5.000 руб. 300.575 руб. — таков итог общей суммы подлики коллектива Комитета по делам архитектуры.

Дружно прошла подлика на Третий Государственный Военный Займ в Комитете по делам архитектуры при СНК СССР. Председатель Комитета, академик архитектуры А. Мордовнов подликается на 6.000 руб., В. Кузнецов, Б. Рубаненко, Н. Симоненко и В. Швариков дали взаимного государствену по 5.000 руб. 300.575 руб. — таков итог общей суммы подлики коллектива Комитета по делам архитектуры.

В кинотеатрах столицы активно проходит подлика на заем. Коллектив кинотеатра «Метрополь» полностью подликается на Третий Военный Государственный Займ. Сумма подлики к 5 мая составляет свыше 30 тыс. рублей — 148 проц. фонда месячной заработной платы. На двухмесячный заработок подликается художник Л. Златогорский (187 проц.).

86 московских композиторов (из 200) в первый день подликается на 184.000 руб. Д. Шостакович подликается на 15.000 руб. (кроме того, он подликается на 15.000 рублей в Консерватории и на 10.000 руб. — в Управлении по охране авторских прав). В. Соловьев-Седой и М. Блантер — на 12.000 руб. каждый, Ю. Шапуров, Р. Гмэр, С. Прокофьев — на 10.000 руб. каждый, А. Хачатурян — на 8.000 руб. Подлика продолжается.

Горю встретили московские живописцы, графики и скульпторы весть о выпуске Третьего Военного Займа. Подлика на новый заем широко развернулась и в художественно-производственных организациях.

С. Меркуров подликается на 23.000 руб., В. Яковлев — на 12.000 руб., Е. Тиняев — на 10.000 руб., П. Соколов-Скаля — на 8.000 руб. По 5.000 руб. подликается В. Ефанов, М. Англин, Г. Рублев, А. Делнева, В. Медведев.

В Московской филармонии в Московской государственной филармонии, при месячном фонде заработной платы в 332.000 руб., подлика достигла 691.125 рублей. И. Янзев подликается на 10.000 рублей, Д. Ойстрах, Д. Журавлев, В. Яхонтов, Э. Каминка — на 7.500 руб. каждый, В. Власов, Л. Оборин, Я. Флиер, Э. Гильельс, Я. Зак, В. Шербинин — на 6.000 руб.лей каждый.

У артистов эстрады и цирка Работники Всесоюзного концертного объединения сразу же после объявления о выпуске нового займа собрались на митинг, который прошел с большим подъемом.

814 работников Объединения подликается на 1.737.600 руб. при фонде заработной платы 900.000 руб. В. Коралли, Л. Утесов, Т. Церетели подликается на 15.000 руб. каждый, Н. Смирнов-Сокольский, П. Песенко, И. Ровин, Н. Кудряшова, Е. Юрковская, М. Гархан — на 10.000 руб. каждый, А. Вертинский подликается на 40.000 руб., В. Козин — на 35.000 руб., Л. Русламова — на 25.000 руб., К. Шульженко — на 20.000 руб. Подлика продолжается.

В Московском государственном цирке состоялся митинг, посвященный выпуску Третьего Военного Займа. Сестры Кох подликается на 11.000 руб., А. Корнилов — на 5.000, И. Вавилова — на 2.500 руб., Е. и А. Бараненко — на 4.000 руб. Подлика продолжается.

В студии Мосфильм На митинге в студии Мосфильм, посвященном выпуску займа, выступил режиссер М. Донской. Он говорил о мужестве и героизме Красной Армии, ошающейся советскую землю от немецко-фашистских захватчиков, и призвал дружной подлинкой на заем приблизить к окончательной победе над ненавистным врагом.

По окончании митинга началась подлика. Многие работники студии подликаются на сумму, превышающую их месячный заработок. На 12 тысяч рублей каждый подликается режиссеры С. Герасимов и Савченко, Бригадир-осветитель Т. Седов подликается на 350 процентов своей месячной заработной платы.

Первомайский салют

Письмо товарищу

Ты слышишь, товарищ? Снова гремит залпы...

Где ты дерешься сейчас? В предгорьях Карпат, в Румынии, под Септополием? Где бы ты ни был, ты слышал салют. Сердцем услышал. Это в твою честь гремит орудия. Это — тебе, солдату.

Большой дорогой войны прошел ты, товарищ. И разное видел. Хлебнул и солдатского горя и солдатского счастья. На смерть не направишься и от смерти не отказываешься. Смерть убоялся тебя. Вот ты шел, и третья военная весна обнимает тебя ласково за плечи, как брат. Достал же опять флажку, товарищ, — чокнемся. За нашу весну, за нашу победу! За тебя, товарищ!

Ты всю землю ногами прошел, штыком освободил, кровью и солдатским потом полил. Это — твоя земля. Ныне она салютует тебе.

Сколько раз тебя ранило, брат? Ты смеешься: «Солдату раны, что орден». Целая лестница ленточек на твоей груди. Это — лестница славы. Которая ступенька первая? Дон? Кавказ?

Ты дошел до предгорий Кавказа в пыльные августовские дни сорок второго года и остановился на перевале. «Волчьими воротами» назывался этот перевал, там я тебя и встретил.

Ты сказал тогда: «Дальше я не пойду». Тебя все слышали. До чего же упрямым ты себя считаешь, приятель! Я глядел, как ты стиснул зубы, и знал: ты не сдавешься с места.

С гор на дороге опрокинул ты огромные камни и лег с ними — орденскими — на смерть. Трой товарищ в Сталинграде сказал: «Для нас за Волгою земли нет». Ты не слышал его слов, но сказал то же самое: «Для нас за горами земли нет!» И ты остался на перевале. «Волчьими воротами» назывался этот перевал, — только волки в ворота не прошли. Это ты их не пустил на Кавказ.

Слушай же, слушай, товарищ. Это салютует тебе Тбилиси и весь Кавказ с ним. К предгорьям Карпат, к тебе дошло благодарное «о» кавказского гор. Говорят, на Кавказе сейчас уже цветет миндаль, и сады там, сады сами зацвело от аромата. Хороша там весна, товарищ! Это ты отстоял весну.

До чего же яростно погнал ты тогда немца от кавказских гор. Стояла зима, а дела были жаркие. Вражья кровь не успевала замерзнуть на клниках, — такая была рубка! От дубленных полшубовок пар шел — такая была скачка! А когда твои руки схватывали морозом, ты грел их о горячий ствол орудия. Раскаленные были и стволы, и сердца. Всю зиму и весну ты шел немца через Кубань и Дон до Северного Дона. Освобождалась страна от врага, освобождалась земля от снега и парила теплым весенним паром.

— Эх, земля добрая, черноземная! — говорил ты мне тогда. — Ее пахать, пахать надо! Обижается она... — Что, пахать хочешь? — смеясь, спрашивал я.

— Мне нельзя. Меня еще впереди пахари ждут... Слушай же, слушай, товарищ! Это салютует тебе Ростов и весь тихий привольный Дон с ним. Там сейчас пахут. Воронки засыпаны, поля биты перепахали и окроили, в которых ты лежал, том же теперь озимые тянутся к весеннему солнцу. Хороша весна на Дону, товарищ! Это ты отстоял весну.

Ты отстоял ее своей любовью и своей яростью. Великая любовь была в тебе, но еще более великая ярость. Ярость бросала тебя в вой, ярость бил ты немца. Но чем дальше на Запад шел ты дорогой войны, тем все больше новых душевных качеств проступало в твоей душе солдата. Я не скажу, что успокоилось твое сердце. Не такая это война, чтоб нам успокаиваться, и неграду говорят, что сердце солдата стальное и холодное, как его штык. Нет, не успокоилось твое сердце, но стало богаче. И когда ты вышел к Днепру, ты был не только храбрым воином. Был ты умелым воином.

И ты перешагал Днепр. Почти у самого правого берега немцы прижали тебя огнем к воде. Колымчик был этот правый берег, темной ночью он пытал весь, ощеривался, — и ты понял, что просто его не взять. Ты посмотрел на своих хлопцев. Молодые они были, хорошие, им помрач было рано. Ты пожелал их солдатской жалостью.

— Топи самоплав, ребята! — скомандовал ты, — хитростью возьмем.

Вы погружили самоплав в воду и сами очутились в воде. Ты и не знал никогда, что в Днепре вода такая холодная. Этот водный рубеж всегда оставался для тебя родною рекою, что родная река — мычье водная преграда.

Сколько пробыли вы в ледяной воде? Долго. Пока совсем не заткнули немцы, решившие, что потопили вас.

И тогда ты тихонько повел своих хлопцев по воде к берегу... Слушай же, слушай, товарищ! Это салютует тебе Киев и с ним вся Украина, и Крынов Рог, и Донбасс, который ты вернул Родине.

Говорят, по Днепру уж побегали тарарахи. На Крещатике дома окутан радостной пылью стройки. А у нас дома, в Донбассе, каждое утро гудок в хор гудков входит. Славно поют гудки в мае в Донбассе... Хороша на Украине весна, товарищ! Это ты принес весну.

Весенними дорогами прошел ты по Правобережью. Тебя ничто не могло остановить. Мятельной была эта весна, мокрой, холодной. По невозвратной тропе твизши ты с тобой, товарищ, ты чертыла: — Эх, чернозем, чернозем! Я не спорю, ты для земледельца хорош, но для войны... Ты таяла на себе тело миномета, твоей товарищ — плиту. Так вы шли и днем, и ночью, и много дней и ночей, гоня немцев. Когда вы спали? Где вы отдыхали? Была мокрая и пустынная степь вокруг, в сожженных немцем горах гулял ветер.

Иногда подлимались маленькие случайные «сушки». В очаге пылал огонь над ним склонился солдат. Было тепло. Условились стоять бок о бок, противяку к огню одну правую руку, чтоб всем достало тепла.

Я навегаю запомнил эти руки над огнем. Руки, руки... местные солдатские руки. Одерзанные пламенем очага, они были суровы и недвижны. Слово бойца присягали над огнем. Ты покаял сушкику без сожаления. Чорт его знает! Ты даже с радостью покаял ее.

— Вдаль вперед идем! — возбудил говорил ты, — зато вперед! К морю!

Сухой итнки не было на тебе. В сапогах хлопала вода. По ночам шинель олубавла. Зато сух был ствол твоего миномета. Ты окутал его своей плаги-палаткой. Сух и ястреб был ствол твоего миномета. Вы ственом с ним шли к морю, добывать «кожицу» немца.

Слушай же, слушай, товарищ! Это тебе салютуют — Одесса и Симферополь и с ними все Черное море, наше море. Хороша черноморская весна, товарищ! Это ты отвоевал весну.

Ты сказал мне как-то весною сорок второго года: — Погляди на карту, товарищ! Ох, и много же нам «обратно» итти, отбрытало то, что отдали... ох, и много!

Ты и тогда, в горькую первую волнелю, ты минуты не сомневался, что будешь итти «обратно», на Запад. Ты только сокрушался: ох, много итти! И я, глядя на карту, так же думал: ох, много!

И теперь смотрю на карту, на весь путь, который мы прошли с тобой, товарищ. А ведь мы много прошли! Чертовски много прошли на Запад, куда больше, чем нам осталось итти. От Карпат до Берлина ближе, чем от Кавказа до Карпат.

Мы до конца с тобой пройдем! Перешагнем все реки, все преграды, все границы и рубежи. Мы достанем штыком зверя в его берлоге. Мы вспомним ему взорванный Донбасс, оккупированный Киев, ограбленный Херсон, мертвый Севастополь... И кладбище в Днепростровске.

И видел это кладбище на центральном проспекте города. До войны его не было. Оно появилось только при немцах. Огромное кладбище. На нем погребены не замученные и не растерянные, растерянные немцы швыряли в ров. Тут, на кладбище, лежат те, что погибли не от казни, а от жидки под немцем. Хуже казни была эта мучительная, голодная, бесправная, подъяренная жизнь. Смерть была лучше этой жизни.

Я никогда не забуду кладбища в оккупированном Киеве, ограбленном Херсоне, мертвый Севастополь... И видел это кладбище на центральном проспекте города. До войны его не было. Оно появилось только при немцах. Огромное кладбище. На нем погребены не замученные и не растерянные, растерянные немцы швыряли в ров. Тут, на кладбище, лежат те, что погибли не от казни, а от жидки под немцем. Хуже казни была эта мучительная, голодная, бесправная, подъяренная жизнь. Смерть была лучше этой жизни.

Я никогда не забуду кладбища в оккупированном Киеве, ограбленном Херсоне, мертвый Севастополь... И видел это кладбище на центральном проспекте города. До войны его не было. Оно появилось только при немцах. Огромное кладбище. На нем погребены не замученные и не растерянные, растерянные немцы швыряли в ров. Тут, на кладбище, лежат те, что погибли не от казни, а от жидки под немцем. Хуже казни была эта мучительная, голодная, бесправная, подъяренная жизнь. Смерть была лучше этой жизни.

Я никогда не забуду кладбища в оккупированном Киеве, ограбленном Херсоне, мертвый Севастополь... И видел это кладбище на центральном проспекте города. До войны его не было. Оно появилось только при немцах. Огромное кладбище. На нем погребены не замученные и не растерянные, растерянные немцы швыряли в ров. Тут, на кладбище, лежат те, что погибли не от казни, а от жидки под немцем. Хуже казни была эта мучительная, голодная, бесправная, подъяренная жизнь. Смерть была лучше этой жизни.

Я никогда не забуду кладбища в оккупированном Киеве, ограбленном Херсоне, мертвый Севастополь... И видел это кладбище на центральном проспекте города. До войны его не было. Оно появилось только при немцах. Огромное кладбище. На нем погребены не замученные и не растерянные, растерянные немцы швыряли в ров. Тут, на кладбище, лежат те, что погибли не от казни, а от жидки под немцем. Хуже казни была эта мучительная, голодная, бесправная, подъяренная жизнь. Смерть была лучше этой жизни.

Я никогда не забуду кладбища в оккупированном Киеве, ограбленном Херсоне, мертвый Севастополь... И видел это кладбище на центральном проспекте города. До войны его не было. Оно появилось только при немцах. Огромное кладбище. На нем погребены не замученные и не растерянные, растерянные немцы швыряли в ров. Тут, на кладбище, лежат те, что погибли не от казни, а от жидки под немцем. Хуже казни была эта мучительная, голодная, бесправная, подъяренная жизнь. Смерть была лучше этой жизни.

Я никогда не забуду кладбища в оккупированном Киеве, ограбленном Херсоне, мертвый Севастополь... И видел это кладбище на центральном проспекте города. До войны его не было. Оно появилось только при немцах. Огромное кладбище. На нем погребены не замученные и не растерянные, растерянные немцы швыряли в ров. Тут, на кладбище, лежат те, что погибли не от казни, а от жидки под немцем. Хуже казни была эта мучительная, голодная, бесправная, подъяренная жизнь. Смерть была лучше этой жизни.

Я никогда не забуду кладбища в оккупированном Киеве, ограбленном Херсоне, мертвый Севастополь... И видел это кладбище на центральном проспекте города. До войны его не было. Оно появилось только при немцах. Огромное кладбище. На нем погребены не замученные и не растерянные, растерянные немцы швыряли в ров. Тут, на кладбище, лежат те, что погибли не от казни, а от жидки под немцем. Хуже казни была эта мучительная, голодная, бесправная, подъяренная жизнь. Смерть была лучше этой жизни.

Я никогда не забуду кладбища в оккупированном Киеве, ограбленном Херсоне, мертвый Севастополь... И видел это кладбище на центральном проспекте города. До войны его не было. Оно появилось только при немцах. Огромное кладбище. На нем погребены не замученные и не растерянные, растерянные немцы швыряли в ров. Тут, на кладбище, лежат те, что погибли не от казни, а от жидки под немцем. Хуже казни была эта мучительная, голодная, бесправная, подъяренная жизнь. Смерть была лучше этой жизни.

Я никогда не забуду кладбища в оккупированном Киеве, ограбленном Херсоне, мертвый Севастополь... И видел это кладбище на центральном проспекте города. До войны его не было. Оно появилось только при немцах. Огромное кладбище. На нем погребены не замученные и не растерянные, растерянные немцы швыряли в ров. Тут, на кладбище, лежат те, что погибли не от казни, а от жидки под немцем. Хуже казни была эта мучительная, голодная, бесправная, подъяренная жизнь. Смерть была лучше этой жизни.

Я никогда не забуду кладбища в оккупированном Киеве, ограбленном Херсоне, мертвый Севастополь... И видел это кладбище на центральном проспекте города. До войны его не было. Оно появилось только при немцах. Огромное кладбище. На нем погребены не замученные и не растерянные, растерянные немцы швыряли в ров. Тут, на кладбище, лежат те, что погибли не от казни, а от жидки под немцем. Хуже казни была эта мучительная, голодная, бесправная, подъяренная жизнь. Смерть была лучше этой жизни.

Я никогда не забуду кладбища в оккупированном Киеве, ограбленном Херсоне, мертвый Севастополь... И видел это кладбище на центральном проспекте города. До войны его не было. Оно появилось только при немцах. Огромное кладбище. На нем погребены не замученные и не растерянные, растерянные немцы швыряли в ров. Тут, на кладбище, лежат те, что погибли не от казни, а от жидки под немцем. Хуже казни была эта мучительная, голодная, бесправная, подъяренная жизнь. Смерть была лучше этой жизни.

Я никогда не забуду кладбища в оккупированном Киеве, ограбленном Херсоне, мертвый Севастополь... И видел это кладбище на центральном проспекте города. До войны его не было. Оно появилось только при немцах. Огромное кладбище. На нем погребены не замученные и не растерянные, растерянные немцы швыряли в ров. Тут, на кладбище, лежат те, что погибли не от казни, а от жидки под немцем. Хуже казни была эта мучительная, голодная, бесправная, подъяренная жизнь. Смерть была лучше этой жизни.

Я никогда не забуду кладбища в оккупированном Киеве, ограбленном Херсоне, мертвый Севастополь... И видел это кладбище на центральном проспекте города. До войны его не было. Оно появилось только при немцах. Огромное кладбище. На нем погребены не замученные и не растерянные, растерянные немцы швыряли в ров. Тут, на кладбище, лежат те, что погибли не от казни, а от жидки под немцем. Хуже казни была эта мучительная, голодная, бесправная, подъяренная жизнь. Смерть была лучше этой жизни.

Я никогда не забуду кладбища в оккупированном Киеве, ограбленном Херсоне, мертвый Севастополь... И видел это кладбище на центральном проспекте города. До войны его не было. Оно появилось только при немцах. Огромное кладбище. На нем погребены не замученные и не растерянные, растерянные немцы швыряли в ров. Тут, на кладбище, лежат те, что погибли не от казни, а от жидки под немцем. Хуже казни была эта мучительная, голодная, бесправная, подъяренная жизнь. Смерть была лучше этой жизни.

Я никогда не забуду кладбища в оккупированном Киеве, ограбленном Херсоне, мертвый Севастополь... И видел это кладбище на центральном проспекте города. До войны его не было. Оно появилось только при немцах. Огромное кладбище. На нем погребены не замученные и не растерянные, растерянные немцы швыряли в ров. Тут, на кладбище, лежат те, что погибли не от казни, а от жидки под немцем. Хуже казни была эта мучительная, голодная, бесправная, подъяренная жизнь. Смерть была лучше этой жизни.

Я никогда не забуду кладбища в оккупированном Киеве, ограбленном Херсоне, мертвый Севастополь... И видел это кладбище на центральном проспекте города. До войны его не было. Оно появилось только при немцах. Огромное кладбище. На нем погребены не замученные и не растерянные, растерянные немцы швыряли в ров. Тут, на кладбище, лежат те, что погибли не от казни, а от жидки под немцем. Хуже казни была эта мучительная, голодная, бесправная, подъяренная жизнь. Смерть была лучше этой жизни.

Я никогда не забуду кладбища в оккупированном Киеве, ограбленном Херсоне, мертвый Севастополь... И видел это кладбище на центральном проспекте города. До войны его не было. Оно появилось только при немцах. Огромное кладбище. На нем погребены не замученные и не растерянные, растерянные немцы швыряли в ров. Тут, на кладбище, лежат те, что погибли не от казни, а от жидки под немцем. Хуже казни была эта мучительная, голодная, бесправная, подъяренная жизнь. Смерть была лучше этой жизни.

Я никогда не забуду кладбища в оккупированном Киеве, ограбленном Херсоне, мертвый Севастополь... И видел это кладбище на центральном проспекте города. До войны его не было. Оно появилось только при немцах. Огромное кладбище. На нем погребены не замученные и не растерянные, растерянные немцы швыряли в ров. Тут, на кладбище, лежат те, что погибли не от казни, а от жидки под немцем. Хуже казни была эта мучительная, голодная, бесправная, подъяренная жизнь. Смерть была лучше этой жизни.

Я никогда не забуду кладбища в оккупированном Киеве, ограбленном Херсоне, мертвый Севастополь... И видел это кладбище на центральном проспекте города. До войны его не было. Оно появилось только при немцах. Огромное кладбище. На нем погребены не замученные и не растерянные, растерянные немцы швыряли в ров. Тут, на кладбище, лежат те, что погибли не от казни, а от жидки под немцем. Хуже казни была эта мучительная, голодная, бесправная, подъяренная жизнь. Смерть была лучше этой жизни.

Я никогда не забуду кладбища в оккупированном Киеве, ограбленном Херсоне, мертвый Севастополь... И видел это кладбище на центральном проспекте города. До войны его не было

